

Суггестия – ключ к измененным состояниям сознания как инверсии психики. Тайна авторских методик.

Данная статья претендует на теоретическое обоснование целого ряда феноменов психики, относящихся к так называемым измененным состояниям сознания, которые до сих пор остаются неисследованным белым пятном в психологии.

При всем кажущемся различии методик В. М. Бронникова, Н. Н. Денисова, Б. Е. Золотова и т. п.², все они имеют дело с одними и теми же законами психофизиологии, которые были предметом исследований русских ученых: И. М. Сеченова, И. П. Павлова, А. А. Ухтомского, Л. С. Выготского, Л. С. Сахарова и др. А их научные положения сумел подытожить Б. Ф. Поршнев в монографии «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)», над которой он работал почти 25 лет, и которая была издана уже после его смерти [36]. Некоторые его идеи затем пытались развить Г. С. Абрамова [1], О. Т. Вите [4; 5; 6], Е. Н. Волков [7], Е. В. Косилова [25], М. П. Папуш [32]. К 100-летию со дня рождения Б. Ф. Поршнева было приурочено издание Французского ежегодника 2005 года [6]. Памяти ученого посвящены статьи Т. Н. Кондратьевой [24], Е. Б. Поршневой [37], З. А. Чеканцевой [54].

Сформулированные Поршневым принципы дают научное объяснение многим феноменам *парапсихологии*, которые оказываются лишь различными проявлениями одного и того же закона инверсии психики. Неважно, осознавал эти выводы сам автор или нет. Как пишет о нем в своих воспоминаниях А. В. Гордон: «Научный поиск, независимо от намерений ученого, трансформировался под влиянием потребностей идеологического режима и приобретал свою специфику под влиянием господствовавших в данный момент установок» [6].

Однако сейчас стало очевидным то, что во времена атеистической идеологии считалось «антинаучным»: формами инверсии психики выступают все виды транса в религиозных культурах; к формам инверсии психики также следует отнести альтернативное видение и феномен автотрофности человека [3; 15; 52; 55; 62]. Эти иные формы жизнедеятельности оказываются антагонистами привычных для нас видов активности. Они суть тормозные доминанты: способы деятельности, «вывернутые наизнанку», неадекватные по отношению к «правильному», «нормальному» поведению человека. Вся парапсихология обязана им своим происхождением [53].

Столкнувшись с этим феноменом, В. М. Бронников, Н. Н. Денисов, Б. Е. Золотов и прочие пытаются «объяснить» его, прибегая к помощи *аналогии*, т. е. приблизительного сравнения его с чем-то *другим* (например, явлениями физики). Однако в отличие от них Б. Ф. Поршнев основывает свои выводы на реальных *законах* самой психофизиологии. Исходя из принципа *тормозной доминанты*, Поршнев обосновывает *бидоминантную модель* физиологии высшей нервной деятельности: «Все процессы внутреннего торможения [...] могут быть полностью объяснены на основе теории доминанты, [...] как только последняя преобразована в бидоминантную модель» [36: 267]. «Всякое действие имеет то или иное невидимое антидействие – тормозную доминанту» [36: 287], т. е. «свое иное», свое альтернативное противодействие [36: 253].

В комментарии О. Т. Вите это звучит так [4]: «Именно принцип доминанты, по словам Поршнева, объясняет, почему “все поступающие раздражения, которые должны были бы вызывать одновременно множество всяческих рефлексов, не взрывают организм”, а поддерживают и усиливают одно, необходимое в данный момент организму, поведение.

¹ Смирных Сергей Владиславович – философ, выпускник философского факультета Ленинградского государственного университета (1989); член Санкт-Петербургского общества классической немецкой философии; независимый исследователь.

² Авторы методик альтернативного или прямого видения (без участия глаз).

[...] Ухтомский писал: “На своем собственном пути возбуждения, доведенные до кульминации, приведут к торможению под влиянием тех же самых факторов, которые перед тем производили суммирование [...] Доминанта как известная односторонность действия сама в себе носит свой конец” [51, т. 1: 286]. Это противоречие и разрешил Поршневу в *бидоминантной модели*. Согласно Поршневу, управление поведением животного осуществляется не из одного центра, а из системы двух центров, один из которых работает “по Павлову”, тогда как другой – “по Ухтомскому”.

Все раздражители, все стимулы, попадающие в сенсорную сферу животного, дифференцируются – по прежнему опыту – на две группы: относящиеся “к делу” и не относящиеся “к делу”. Первые направляются в “центр Павлова”, вторые – в “центр Ухтомского”. Этот второй центр, названный Поршневым *тормозная доминанта*, собирает все, что может помешать нужному “делу”, быстро переполняется и глубоко тормозится, т. е. полностью реализует принцип доминанты. Тем самым, “центр Ухтомского” обеспечивает “центру Павлова” возможность осуществлять деятельность, биологически необходимую животному в данный момент» [4].

Также вызывают интерес комментарии Е. Н. Волкова [7]. А вот что пишет об этом сам Поршневу: «Все без исключения биологически полезные функции и действия организма могут, по-видимому, играть роль тормозных доминант, т. е. выступать в качестве “антидействий”, реципрокных иннервационных антагонистов по отношению к адекватным действиям [36: 290]. Предлагаемая мною схема двух фокусов, двух одновременных доминант (бидоминантности) хорошо отвечает современным представлениям о торможении и, вероятно, может способствовать развитию учения о торможении на уровне интегративной деятельности мозга как целого [36: 259].

[...] Тормозная доминанта как бы лепит, формирует антагонистический полюс – комплекс, или систему возбуждения. Она отнимает у этого комплекса все, что можно отнять, и тем самым придает ему биологическую четкость, верность, эффективность [36: 262]. Благодаря этому достигается идеальная фокусировка очага возбуждения.

[...] Как наиболее универсальная реципрокная пара, участвующая во всех без исключения действиях и состояниях организма, за исключением работы автономной и симпатической систем, могут рассматриваться бодрствование и сон. Это значит, что функция сна в мозге играет роль тормозной доминанты во все время бодрствования. Сон, как теперь хорошо показала электрофизиология, это не просто пассивность, но определенная деятельность, осуществляемая организмом с затратой энергии» [36: 288].

Из бидоминантной модели психофизиологии (души и тела) следует, что физиологическая активность анализаторов (зрения, слуха и т. д.) обязана энергии торможения альтернативного (душевно-духовного) способа созерцания, который в христианстве называют «блаженным видением», «блаженным знанием» [29: 50]. А деятельность всей физиологии нашего тела обязана энергии торможения альтернативного (энергополевого) бытия личности – «духовного тела» [1 Кор. 15: 44].

Можно привести ряд других работ, в основу которых также положен принцип двойственной природы человека. Например: Дорофеев Д. Ю. «Мистическая антропология» личности [16]; Мамардашвили М. К. «Лекции по античной философии», в которых он пишет: «В нас действует то, что от нас не зависит, и полагание в мире чего-то нами есть, в действительности, проявление действий этого “чего-то” в нас» [26: 153]; Манеев А. К. «Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека» [27; 28]; Мюллер Д. Т. «Христианская догматика» [29]; Симаков Ю. Г. «Информационные матрицы и морфогенез»; Симаков Ю. Г. «Преформированная космическая эволюция» [42; 43]; Симонов П. В. «О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознания» [44]; Смирных С. В. «Опыт пондеромоторного письма» [48]; Чередниченко Ю. Н. «Реинкарнационный онтогенез человеческой персональности и виды психосоматического наследования». Автор различает «фантомно-психологический и фантомно-соматический» виды [56]; и др.

Поршневу признается: «Мы все еще очень мало знаем о комплексности тормозных доминант в каждый данный момент и об их иерархии» [36: 287]. Он даже вводит термин «депо неадекватных рефлексов», почти не исследованное у человека. Это белое пятно в психологии как раз и пытается изучать парапсихология. Все религиозные культы можно включить в это «депо» альтернативных способов психики, которые считаются аномальными лишь с точки зрения норм *мирской* социализации. В ней они или вовсе не востребованы (поскольку о них мало что знают), или же их сознательно подавляют как подозрительные и даже опасные [11: 74]. Красноречивым примером этого являются уголовные преследования ведьм и колдунов, вошедшие в практику в античные времена (Кодекс Хаммурапи, Законы Двенадцати таблиц), но достигшие особого размаха в XV – XVII веках в Западной Европе и Америке.

Так или иначе, эта скрытая деятельность духа все равно проявляет себя, например, в условиях стресса или с помощью специальных методик йоги и других религиозных практик. Поршневу утверждает: «Все [...] типы неадекватных действий наблюдаются [...] в условиях ультрапарадоксальных инверсий нервных процессов» [36: 287]; попросту говоря, в условиях стресса (непроизвольного или искусственно вызванного), т. е. «сшибки» нервных процессов (возбуждения и торможения), что сопровождается нервными срывами, неврозами. Именно в этих условиях как раз и пробуждается альтернативная активность психики. Это было давно известно, например, в дзэн-буддизме.

Практика религиозных культов *целенаправленно* растормаживает привычное торможение психики посредством различных способов депривации второй сигнальной системы. Например, механическим способом, к которому можно отнести пение и танец; химическим способом, используя разнообразные психоделики; психическим способом, т. е. посредством медитации и т. п. Все эти техники торможения второй сигнальной доминанты имеют одну и ту же задачу: спровоцировать инверсию психики, известную как «измененное состояние сознания», «просветление», «транс» и др. [46; 47].

Как пишет Поршневу, ультрапарадоксальная реакция переворачивает все «наоборот». Такое измененное состояние психики переключает «функцию возбуждения и торможения в центральной нервной системе на обратные [...] Его мало объяснили физиологи, хотя очень много наблюдали его» [36: 270]. На этом эффекте, кстати, основан и главный прием методики М. Комиссарова («снятие психологического барьера на уровне подсознания человека»), который призван создать условия, провоцирующие психику на ультрапарадоксальную реакцию. В результате происходит инверсия ее способа действия на полярный (альтернативный): «На занятиях студент ставится в условия, когда его мозг не в состоянии получить запрашиваемую информацию традиционным путем. Мозгу приходится “искать” новый канал получения информации» [21: 100]. Но, к сожалению, Комиссаров сводит дело к одной лишь *физиологии* мозга. Тогда как, согласно Поршневу, при торможении одного способа *психики* автоматически просыпается реципрокный (полярно связанный с ним, противоположный) способ психической активности, бывший до этого в подавленном состоянии тормозной доминанты.

Так ярко проявляющийся у детей эффект инверсии тормозной доминанты потому приводит к таким поразительным результатам, что психика ребенка еще очень лабильна, подвижна и легко переключается на альтернативный способ. Однако затем вступают в силу требования социализации (воспитания и образования), которые начинают играть роль искусственного отбора. Вместо того чтобы бережно сохранить у ребенка его навык *произвольного* переключения бидоминантных режимов психики на всю жизнь, социализация догматически удерживает только один – «правильный» – способ. В результате все «неправильные», «ненормальные» с точки зрения социума формы активности ребенка подвергают депривации: «Нельзя!».

Поршневу пишет: «Депривация есть лишение организма нормальных раздражений из внешней среды или биологически нормальных реакций на них» [36: 462–463]. Ребенка принуждают к действию с помощью запрещающих речевых команд (интердикции): «нет», «нельзя!»; или же посредством команд-приказов (суггестии): «брось», «отдай», «слушай», «делай так» и т. п. В результате этого «ненормальные» способы, угнетенные перевозбуждением

«нормальной» деятельности, начинают играть невидимую, «закулисную» роль тормозной доминанты. А взрослеющая психика «окостеневает» в своей асимметричности к моменту окончательного формирования у ребенка коры головного мозга, когда вторая сигнальная система становится доминантной.

«Исследование функциональной асимметрии мозга у детей показало, что первоначально обработка речевых сигналов осуществляется обоими полушариями и доминантность левого формируется позже». При поражении левого полушария центр речи перемещается в зону правого полушария. «Такая передача речевой функции от левого полушария правому возможна лишь до 10 лет» [12: 438].

Следует отметить, что «лишь кора одного полушария [...] управляет всей второсигнальной функцией». Поршневу подчеркивает, что локализация всех прямо причастных ко второй сигнальной системе «зон и центров в “доминантном” полушарии, означает сопряженное торможение центров, управляющих неречевыми движениями – преимущественно с противоположного, “субдоминантного” полушария, но отчасти с того же» [36: 421].

Само рождение второй сигнальной системы в филогенезе связано, по Поршневу, с социальным принуждением (депривацией) всех «неречевых движений»: «В двигательном, проекционном поле коры головного мозга человека (“человечек Пенфильда”) преимущественно представлены не те органы, которые осуществляли трудовые механические действия, направленные на объекты природы, а органы мимики, вокализации, жеста (в частности, огромное место большого пальца связано отнюдь не с захватывающими движениями, в которых его роль мала, а с его отведением при движениях тыкающих и указующих). Это органы второсигнального общения людей, в генезе – как раз органы депривации» [36: 463].

Это фактически подтверждает слова Поршнева, что мозг исторически и в онтогенезе «перестраивается вместе, в единстве с генезисом второй сигнальной системы» [36: 429]. Этот научный факт с ходу опровергает доморощенную премудрость Комиссарова о роли «Природы-Матушки» в развитии человеческого мозга: «Наличие психологического барьера в мозгу человека обусловлено тем, что за сотни миллионов лет эволюции вся информация из окружающего мира поступала в наш мозг только по пяти каналам – через пять органов чувств [...] Мозгу известен только один путь видения – глаза [...] Наш мозг убежден, что по-другому и быть не может» [21:99-101].

Будучи вульгарным материалистом, М. Комиссаров ошибочно редуцирует психику человека к одной лишь голой физиологии мозга, однако и ее он тоже знать не хочет, подменяя грубой аналогией [50]. Как он сам простодушно признается: «[...] Когда я стал публично излагать мое видение Информационного восприятия, мне часто задавались вопросы: “Строя свою гипотезу, каких авторов вы читали? На какую литературу по этому вопросу вы опирались?” И тогда, и сегодня, отвечая на эти вопросы, я говорю: “Никакой специальной литературы я не читал. Все, что я сейчас излагаю, есть плод моих личных размышлений и допущений” [...] Если быть честным до конца, то я не очень-то к этому и стремился, предпочитая самому находить ответы [...], не знакомясь с чужим мнением, не связывая себя чужими представлениями, я тем самым сохранял полную свободу для полета своей мысли [...]» [21: 61–62]. Но какова цена этим плодам его «полной свободы» от научного знания?

Если же говорить о науке, то действительной причиной «психологического барьера» является доминирующая роль коры головного мозга как социального новообразования. Поршневу настаивает: «Психическое развитие ребенка [...] совершается не от индивидуального к социальному, а от социального к индивидуальному: он социален уже с первых слов. Это приложимо и к психическому преобразованию людей в истории: они социальны уже с ее начала, индивид же с его мышлением – продукт интериоризации, обособления от первичной общности в упорной войне с суггестией» [36: 484]. Поэтому причину психической защиты следует искать не в природной физиологии мозга, а в деятельности второй сигнальной системы, «затормаживающей всякую иную активность, кроме заданной по каналам речи и сознания» [35]. Не зря Н. Н. Денисов мудро учитывает это при обучении взрослых студентов.

Однако та легкость, с которой альтернативная (душевно-духовная) деятельность сразу же пробуждается у ребенка, говорит о том, что она является априорной (родовой, врожденной) и поэтому совершенно *нормальна* для него. Гегель называл этот способ «инстинктом разума», «общим чувством»; Шри Ауробиндо практиковал его как «супраментальное сознание»; П. В. Симонов экспериментально исследовал его как «сверхсознание».

Напомним здесь о введенном П. В. Симоновым различии подсознания и сверхсознания: «В сферу подсознания входят и глубоко усвоенные субъектом социальные нормы [...] Важно подчеркнуть, что интериоризация внешних по происхождению социальных норм придает им чрезвычайную императивность, которой они не обладали до момента интериоризации [...] В процессе эволюции подсознание возникло как средство защиты сознания от лишней работы и непереносимых нагрузок» [44].

К этому можно еще добавить замечание Поршнева, что к подсознанию относятся любые автоматизированные действия: «А автоматизированное действие – это переданное в первую сигнальную систему» [36: 454]. Все выученное наизусть редуцируется к форме привычки, т. е. к бездумному автоматизму первой сигнальной системы.

«В отличие от подсознания, – продолжает Симонов, – деятельность сверхсознания не сознается ни при каких условиях: на суд сознания подаются только результаты этой деятельности. К сфере сверхсознания относятся первоначальные этапы всякого творчества – порождение гипотез, догадок, творческих озарений. Если подсознание защищает сознание от излишней работы и психологических перегрузок, то неосознаваемость творческой интуиции есть защита от преждевременного вмешательства сознания, от давления ранее накопленного опыта» [44].

Кстати, И. П. Павлов тоже выделял *художественный тип* высшей нервной деятельности, который, по его словам, «характеризуется преобладанием активности первой сигнальной системой над второй. Люди художественного типа имеют преимущественно “правополушарное” образное мышление. Они схватывают действительность целиком, не разделяя ее на части» [12: 440].

Однако догматизм прочно усвоенных норм, традиций и правил душиет деятельность сверхсознания, или интуиции [36: 422]. «По мнению Р. Орнштейна, принятая система образования строится исключительно на развитии способностей левого полушария, т. е. языкового и формально-логического мышления». Тогда как «функции правого полушария специально не развиваются» [12: 437–438]. Ему вторит Б. Е. Золотов: «Сейчас развивается узкая специализация, развивается кретинизация личности. Выход один: даешь гармонизацию личности, связей, обмена!» [19].

Связанные множеством формул житейской мудрости, ее инструкциями, штампами, трафаретами и стереотипами поведения, которые извне дирижируют нашей жизнью, мы вынуждены полагаться преимущественно на вторую сигнальную систему: жесты, мимику, речь и письмо. Эта абсолютная доминанта подавляет активность первой сигнальной системы, к которой относится и наша интуиция [35]. Зачем придумывать что-то новое, если «почти на всякий случай жизни, почти на всякий вопрос есть изречение, пословица, цитата, стих, пропись» [36: 484]. Вместо того чтобы обучить ребенка навыку *произвольной* смены бидоминант (сознания и сверхсознания) ради развития его личности, социализация подчиняет саму личность чему-то *другому*: семье, сословию, государству, т. е. чему-то внешнему и преходящему. Личность низводят до уровня *средства* для чего-то другого: «говорящее орудие», «рабочая сила», «человеческий ресурс» и т. п.

По словам Золотова: «В данном случае получается человек как придаток [...], не человек сам развивается, а развивается шагающий экскаватор для того, чтобы добывать руду и делать из нее шагающие экскаваторы, которые будут добывать новую руду» [18]. Он добавляет: «Если брать за пример наше общество, то надо отметить, что никто не заботился о развитии гармоничной личности. Как таковую задачу вообще не ставили. Путем введения различных ограничений эту личность пытались вогнать в светлое будущее, причем общество, которое это делало, считало, что путем разрешений или запретов можно выкристаллизовать гармонично

развитую личность, полезную для общества. Но как можно этого добиться, если личность, которая должна стать гармоничной, была изначально несвободна в своем выборе условий, нужных ей для развития и ведущих к развитию всего общества» [17].

Очевидно, что в условиях социума в первую очередь задействованы органы *речи* и *слуха* для ее восприятия, а также – органы *зрения* для восприятия жестов, мимики, знаков письма. Эти анализаторы близкого радиуса действия лучше всего пригодны для тесной, скученной общественной жизни. Тогда как энергополевой способ «дальновидения» (проскопия) в этих условиях, наоборот, «мало-помалу тормозится и лимитируется развивающейся корой головного мозга» [36: 310]. Таким образом, догматизм и консерватизм социальной жизни были главной причиной того, что альтернативные способы психики стали считать аномалией, присущей только исключительно одаренным индивидуумам: шаманам, ведьмам, ясновидящим; убогим и святым; талантам и гениям [2]. Но истинна ли такая социальная парадигма, которая, по словам П. В. Симонова, душист «гадкого утенка» сверхсознания, не позволяя ему превратиться в прекрасного лебедя? [44].

Речь идет о *свободе* личности, ее необходимом развитии в сторону «обособления от первичной общности» [36: 484]. Удивительно, насколько этот вывод психолога Л. С. Выготского совпадает с индуктивным заключением Н. Н. Денисова: «Когда я смогу получить доступ к любой информации по своему желанию, я уже не буду нуждаться ни в чьей помощи. Я просто исчезну из общества, которое потеряет для меня всякий интерес» [61]. Правда, надо уточнить, что речь идет о снятии лишь экономической и политической формы «общества» [49]. О том же говорит и Золотов [61].

Исторический опыт отшельничества, лапландский и сибирский шаманизм свидетельствуют, что в условиях социальной изоляции снова просыпается к жизни, растормаживается скрытая активность первой сигнальной системы (подсознания и сверхсознания). Также и у животных перцепция дальнего радиуса действия в дикой природе, видимо, всегда была необходимым условием выживания вида, предупреждая об опасности, подсказывая путь и т.п. Этот разумный инстинкт есть проявление самой субстанции живого – его *души*. Ср.: Гегель о «мировой душе» [8, т. 3:52, 129].

Имитация и интердикция

Поршнев выделил основные моменты социальной психологии: интердикцию – суггестию – контрсуггестию – контрконтрсуггестию [35]. Поведение ребенка первоначально формируют, используя его собственный рефлекс произвольного подражания (имитации). Акт невербального провоцирования одним индивидуумом имитативного рефлекса у другого индивидуума, при котором тормозятся все иные реакции и действия последнего, Поршнев назвал *интердикцией* (запрещением).

Такую природную силу имитации, заразительную помимо всякого подкрепления мы наблюдаем, например, в улыбке. «Улыбаясь кому-либо, мы автоматически провоцируем у него улыбку и тем в этот момент парализуем возможность поведения, антагонистического улыбке» [36: 300]. «Хорошо известно сильное имитогенное действие у нас, людей, вне речевой сферы таких агентов, как зевание, улыбка. Подражание в этих случаях протекает совершенно помимо сознания и воли» [36: 333]. К этому можно еще добавить имитогенное воздействие толпы на ее участников и т. п. «Подражательность вообще есть свойство, присущее всем без исключения людям, притом пронизывает всю жизнь [...] легко понять, что для людей она имеет характер родового признака» [36: 320].

Зная это, Б. Е. Золотов и Н. Н. Денисов умело используют ее силу в своих методиках [61]. Такова, например, техника «эксперт-операторного взаимодействия» Золотова, который учит своих студентов интуитивно вживаться в образ другого человека как в самого себя («принцип симпатии и подобия»). В упражнении «Близнецы» оператор задает движение (физическое, эмоциональное или духовное), которому с точностью зеркального отражения должен подражать (имитировать) эксперт. «Вселение или проникновение в другого человека требует

абсолютного доверия и совершенного внимания. Передача движения, мыслей или чувств на расстояние – это одна из самых захватывающих сторон практики эксперт-операторных взаимодействий [...], имея опыт проникновения или вселения, вы погружаетесь в состояние человека и впитываете то, что вам необходимо» [20]. Золотов обращает внимание на общую природу знания и любви: чтобы по-настоящему что-либо понять, его надо полюбить [61].

Поршнева отмечает: «Имитативность сильнее выражена у детенышей, у молодняка [...], в раннем онтогенезе, в дальнейшем же мало-помалу тормозится и лимитируется развивающейся корой головного мозга» [36:310]. «Базой для подражательного рефлекса является наследственная готовность организма для данного действия. Мы считаем, что любое животное может подражать лишь тому, что отвечает его природе» [36: 300]. Это, кстати, объясняет ту легкость, с которой дети обучаются видению без глаз: очевидно, что этот альтернативный (энергополевой) способ перцепции отвечает самой природе человеческой психики [38; 39; 40].

Говоря о явлении интердикции, особый интерес представляет вопрос о «первом слове» ребенка. О нем Поршнева пишет: «Первое слово как единственное [...] состоит в том, что оно: а) представляет инверсию тормозной доминанты обширной группы движений руки (хватательных, касательных, бросательных) и б) обладает неодолимой имитатогенностью» [36: 338]. «Единственным механизмом, подключающим ребенка к языковой среде, является подражание» [36: 319]. «С незначительными индивидуальными вариациями “первое слово” появляется на свет в возрасте 11 – 13 месяцев. Затем следует некоторый интервал во времени до появления “второго слова” [...]» [36: 336]. Опытные наблюдения приводят к выводу, «что, хотя слова эти бесконечно разнообразны, они в функциональном смысле все одинаковы, т. е. во всех случаях это все-таки одно и то же слово. Когда пришла пора произнести его, т. е. в формировании центральной нервной системы наступил соответствующий морфофункциональный уровень, ребенок вдруг повторит (сразу или отсроченно) слово, произнесенное взрослым в момент, когда ребенку не дают что-либо схватить, к чему он тянется, или не дают что-либо бросить, а также касаться, манипулировать предметом [...] На деле он воспроизвел сигнал запрещения, не более того. Все названия вещей [...] эквивалентны в этой ситуации слову “нельзя”, которое само тоже подчас встречается в качестве первого слова» [36: 337].

[...] Команды запрещения «абсолютно “запирают” действие, так как являются инверсией его тормозной доминанты, вызываемой к активному выражению безотказной силой имитации» [36: 350]. «Не стоит перечислять все другие примеры. Все они в равной мере свидетельствуют об интердиктивной функции первого слова. Это значит, что оно не является “знаком” какого-либо предмета или действия, не имеет “значения”. Выражаясь фигурально, ребенок, неодолимо имитируя звуковой комплекс, сопровождающий насильственное пресечение его хватательных, манипуляционных, касательных, бросательных движений, тем самым запрещает эти действия и сам себе, т.е. они оказываются задержанными вследствие повторения им данного слова. Это явление еще не принадлежит к речевой деятельности. Но дело сразу меняется с появлением “второго слова” [...] Второе, а там и последующие слова ограничивают интердиктивную функцию первого. Между словами возникают отношения. Но тем самым мы вступаем в мир человеческой речи» [36: 337–338].

Повторим еще раз слова И. М. Сеченова об «инстинктивной звукоподражательности»: «Подражательность вообще есть свойство, присущее всем без исключения людям, притом пронизывает всю жизнь [...] легко понять, что для людей она имеет характер родового признака» [36:320]. Без автоматической, произвольной имитативности мы вообще не могли бы понимать речь!

Понимание чужой речи необходимо связано с ее беззвучным повторением, т. е. *имитацией* услышанных звуков. Поршнева приводит факты такого «психического заражения»: «Рецепция звукового сигнала, т. е. физических звуков чужой речи, у человека занимает около 100 миллисекунд; со скоростью около 150 миллисекунд наступает беззвучная, т.е. крайне редуцированная имитация услышанных звуков; со скоростью 300 – 400 миллисекунд – распознавание звуков уже по фонемам как речевых символов, т. е. их фонетическое

“понимание”» [36: 320]. Чтобы человек «понял» слова другого (в смысле «распознал», «расслышал», «разобрал»), необходимо «повторение (громкое, внутреннее или редуцированное), т. е. идентификация слышимой и произносимой цепочек речевых звуков» [36: 436].

В этой связи интересно замечание Поршнева: «Нижние отделы лобной и теменной долей (очаги моторных афазий) близко примыкают к переднему отделу височной доли (очагу сенсорной афазии). Только будучи по существу единым аппаратом, они могут осуществлять эхололическую (речеподражательную) операцию, лежащую глубоко в основе всей нашей речевой, а тем самым и речемыслительной деятельности: непровольное повторение слышимого, причем не на акустико-фонетическом (не как у попугаев или скворцов), а именно на фонологическом уровне» [36: 424]. «Зона Вернике» в височной доле отвечает за эту способность «правильно узнавать фонемы», т. е. отождествлять одни и те же звуки речи при их акустическом различии (по тембру, по высоте; при иностранном акценте или искажении их детьми).

Именно эту задачу сенсорной рецепции преследует и методический прием Комиссарова «Думать запрещается!» [21: 30]. Его цель вовсе не в том, чтобы погрузить нас в бессознательный транс. Наоборот, этот прием требует от нас *осознанного* торможения внутреннего проговаривания своих мыслей, при котором вовлекается в работу таламический механизм фокусированного *внимания*. Этот прием учит предельной концентрации внимания на «первой мысли», которая (в ответ на заданный вопрос) должна возникнуть непосредственно сама собой – «из ничего» – без моего авторского участия. Однако задолго до М. Комиссарова такое же упражнение под названием «Диагностика по “первой мысли”» было описано В. Б. Поляковым [34, ч. 1: 50]. Его задача заключается в том, чтобы «первая мысль» была бы сенсорно воспринята нами, т. е. фонетически опознана. Иначе говоря, мы должны *проговорить* ее про себя (и только ее одну!), но теперь уже под бдительным контролем сознания. Обычно же «в норме эта операция у нас редуцирована, так что зарегистрировать ее могут только тончайшие электрофизиологические приборы» [36: 425].

Поршнева пишет: «Из всех зон коры головного мозга человека, причастных к речевой функции, т. е. ко второй сигнальной системе, эволюционно древнее прочих, первичнее прочих – лобная доля, в частности префронтальный отдел [...] Именно тут, в префронтальном отделе, осуществляется подчинение действий человека словесной задаче (идушей от другого или от самого себя) – оттормаживание остальных реакций и избирательная активизация нужных нейрофизиологических систем. Этот вывод будет отвечать тезису, что у истоков второй сигнальной системы лежит не обмен информацией, т. е. не сообщение чего-либо от одного к другому, а особый род влияния одного индивида на действия другого – особое общение еще до прибавки к нему функции сообщения» [36: 408]. Что излишне было бы знать и Комиссарову!

Исторически и в онтогенезе слово возникает как антагонист первой сигнальной системы. Подчиняясь слову, «организм стал производить действия, не диктуемые его собственной сенсорной сферой. Следовательно, он не стал производить действий, диктуемых этой его собственной сенсорной сферой. Последние в этот момент подавлены, поражены» [36: 414]. Слово стало единственным способом управления, как своим собственным поведением, так и поведением другого индивидуума, подавляя все первосигнальные побуждения (агрессию, страх, боль, голод и проч.).

Поршнева добавляет: «Мы обнаружили, что древнейшие зоны речевой деятельности возникают в моторной (двигательной), а не сенсорной (чувствующей) области коры. Это и отвечает выдвинутому выше тезису, что вторая сигнальная система родилась как система принуждения между индивидами: чего не делать; что делать» [36: 422]. Здесь следует отметить, что главное морфологическое звено второй сигнальной системы – префронтальный отдел головного мозга – присущ только человеку. «Отсюда [...] происходит возбуждение [...] отвечающих «задаче» или «намерению» двигательных центров мозга и одновременное торможение всех других центров, [...] управляющих неречевыми движениями» [36: 420]. «Ключ ко всей истории второй сигнальной системы, движущая сила ее прогрессирующих

трансформаций – [...] воздействовать на поведение другого и противодействовать этому воздействию [36: 434].

[...] Тем самым глагольная фаза второй сигнальной системы (“нижнелобная” и “нижнетеменная”) оказывается старше, чем предметно-отнесенная (“височная”). И в самом деле, многие лингвисты предполагали, что глаголы древнее и первичнее, чем существительные. Эту глагольную фазу можно представить себе как всего лишь неодолимо запрещающую действие или неодолимо побуждающую к действию. В таком случае древнейшей функцией глагола должна считаться повелительная [...] Итак, допуская, что древнейшими словами были глаголы, мы вместе с тем подразумеваем, что глаголы-то были лишь интердиктивными и императивными, побудительными, повелительными» [36: 426–427].

Суггестия

О суггестивной силе слова Поршневым была написана отдельная статья «Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества)» [23]. Приведем здесь комментарий к ней О. Т. Вите [4]: «Вначале ребенок и воспринимает речь лишь в ее интердиктивной функции. По словам Р. Шпица, даже в возрасте девяти-двенадцати месяцев запреты являются “гораздо более многочисленными, чем приказания. Они выражаются взрослым, как правило, вербально, и в них делается акцент на соответствующих жестах; например, взрослый может грозить пальцем или покачивать головой [...] Такие запреты, как “нет, нет” со стороны взрослого, становятся все более частыми во все более разнообразных ситуациях». И далее: «Для ребенка каждый запрет, будь он вербальным, с помощью жеста или сочетанием того и другого, сдерживает действие, начатое ребенком [...] Каждый запрет означает фрустрацию [57: 34–35].

[...] Однако уже к 6–8 месяцам в речевом воздействии взрослого на ребенка появляются первые признаки перехода к более высокой ступени, к суггестии (к приказаниям). Российский психолог Ольга Семенова, ссылаясь на исследования, проведенные еще под руководством Лурии [59], пишет: «В возрасте 6–8 месяцев также удастся выявить первые признаки возникновения речевого управления действиями ребенка [...] Ребенок 6–8 месяцев способен выполнять простейшие действия по инструкции взрослого [...]» [41].

Поршневым определяется суггестия как сущность человеческого общения, состоящую в том, «чтобы подавлять у другого биологически полезную тому информацию, идущую по первой сигнальной системе, и заменять ее побуждениями, полезными себе» [36: 417].

В комментарии М. П. Папуша это звучит так: «Суггестия состоит в том, что один организм начинает управлять поведением другого организма, который при этом ведет себя не в соответствии с собственным приспособлением к среде, то есть не по принципу первой сигнальной системы, а в соответствии с требованиями или запросами другого. В этом Поршневым и видит основу и сущность “второй сигнальной системы”, попросту – речи» [32]. См. также комментарий Е. Н. Волкова [7].

Вот пример суггестивного побуждения (внушения), которое описал журналист Игорь Найденов на курсах Н. Н. Денисова: «Я натянул на глаза повязку, Николай Николаевич положил передо мной газету, направил указательный палец на заголовок и *скомандовал*: “*Читай*”» [30]. Обратите внимание на *повелительную* форму глагола. При этом большое значение имеет состояние самого учителя, которым он *подсознательно* «заражает», индуцирует психику ученика, побуждая его *имитативный* рефлекс. Что касается взрослого человека, то убедить его, т.е. преодолеть его фильтр недоверия (контрсуггестию) учитель сможет лишь при том условии, что он сам *на деле* продемонстрирует свое умение. Ученик ни на секунду не должен в нем сомневаться.

Как пишет Поршневым: «Суггестия в чистом виде тождественна полному доверию к внушаемому содержанию, в первую очередь к внушаемому действию. Это полное доверие в свою очередь тождественно принадлежности обоих участников данного акта или отношения к

одному “мы” [...] Психическая общность (“мы”) в ее предельном чистом случае это есть поле суггестии, или абсолютной веры» [35].

На условие полного доверия к учителю («тренеру») в методике Денисова обращает внимание его ученик: «Николай Николаевич – единственный человек в мире, который успешно (!) обучает видению взрослых людей [...] Бронников и Комиссаров (успешно) обучают только детей, а это, по словам Николая Николаевича, очень просто: “Ребенку просто скажешь *строгим* голосом *‘Давай, читай!’*, и он начнет читать”» [31].

Та же непреодолимая для ребенка сила суггестии играет решающую роль и в методике В. М. Бронникова, в которой предусмотрены специальные речевые сюжеты-фэнтэзи. Их задача состоит в том, чтобы увлечь воображение студента, убавить его психическую защиту и, действуя за спиной сознания, исподтишка преодолеть его фильтр недоверия. Кульминацией виртуального сюжета является суггестивная команда: «*Ты видишь...*».

На вопрос «в чем отличие школы “Золотой луч” от метода Бронникова?» Н. Н. Денисов отвечает: «И у него и у меня в школе добиваются одного и того же эффекта. Человек понимает, что у него есть возможность получать информацию нетрадиционным способом. И это самое важное на первом этапе. Есть разница в методике преподавания [...] В моей школе обучение проходит более осмысленно (направленно, точнее) и за более короткий срок. И результаты не только у детей (в основном школа Бронникова работала и работает в настоящее время с детьми школьного возраста), а и у взрослых. И еще одно. В школе Бронникова нет ни одного преподавателя, который сам владеет этим методом получения информации. А, следовательно, они преподают только теорию, а вы самостоятельно должны этому обучиться. У меня в школе читают с закрытыми глазами все преподаватели, поэтому это не только теоретическая, но и практическая (во время занятий они находятся в том состоянии, когда мозг работает в нужном режиме) помощь в обучении» [13] См. также статью Денисова «Как этому учат?» [14].

Однако здесь следует подчеркнуть неоспоримое преимущество методики В. М. Бронникова в ее социальной направленности: им разработана система групповых упражнений по *социализации* духовного опыта. Именно эта социальная направленность на формирование *духовной общины* («коллективного суперсознания людей») и отличает его методику от всех других, ориентированных в основном лишь на *индивидуально* изолированное самосовершенствование.

А вот описанный М. Комиссаровым пример суггестии: «Сказки и волшебные превращения являются реалиями в [...] детском мире. И поэтому, когда солидный дядя – Николай Николаевич Денисов – говорит ему: “*Ты это сможешь. Я тебя сейчас научу*” – ребенок охотно *верит* и легко обучается. Порой 3–4-х занятий уже бывает достаточно, чтобы ученик начал читать книгу с плотной повязкой на глазах» [22].

Как прием собственной методики, суггестивное воздействие использует и сам Комиссаров: «Студент закрывает глаза [...] Тренер дает студенту в руки листок бумаги и называет его цвет: “Я дал тебе красный лист бумаги. *Посмотри на него. Нет*, не глазами. Они у тебя закрыты”» [21: 102]. Комиссаров объясняет необходимость суггестии так: «На начальном этапе своей жизни детеныш должен абсолютно, на догматическом уровне, доверять своему учителю, не подвергая учительские послылы ни малейшему сомнению. Это для него условие скорейшего вхождения в самостоятельную жизнь» [21:35]. Ту же суггестивную природу имеет и эффект *платцебо*, упоминаемый в патенте М. Комиссарова [60].

О суггестивном воздействии на психику пишет профессор Э. Э. Годик: «В феномене “экстрасенс” может быть еще одна важная психофизиологическая составляющая, связанная с уровнем доверия, веры пациента в целителя. Это уже очень сродни феноменам исцеления около икон. У Джуны в пике ее славы некоторые, наиболее “верующие”, пациенты излечивались (правильнее сказать, самоизлечивались) уже от ее появления в зале: видя ее, слыша ее, “молясь на нее” [...] Это та самая “психофизиологическая составляющая” [...] В медицине ее называют “платцебо”» [10]. К правому полушарию мозга обращены и все «истории» Б. Е. Золотова, имеющие задачу суггестивной подготовки участников его семинаров [61].

Суггестия служила также и А. В. Чумаку: «Очень небольшая (наиболее внушаемая и “припертая к стенке” болезнью) часть аудитории (несколько сот из миллиона зрителей) впадает в доверие к нему, получает облегчение и славит его в “письмах в редакцию”. Эта слава и вера действует с запасом» [10].

Согласно Поршневу, «полная суггестия, полное доверие, полное «мы» тождественны внелогичности (принципиальной неverifiedируемости)» [35]. Он пишет: «Суггестия по своему физиологическому генезису противостоит и противоречит первой сигнальной системе, а именно тому, что подсказывает и диктует организму его собственная сенсорная сфера» [36: 440]. Суггестивная основа человеческого общения состоит в принуждении другого посредством запрещающих речевых команд (интердикции): «нет», «нельзя!», «руки!»; или же посредством команд-приказов (суггестии): «слушай», «делай так», «иди сюда», «отдай», «брось», «смотри», «читай» и т. п. В итоге «ненормальные» способы, угнетенные перевозбуждением «нормальной» деятельности, начинают играть невидимую, «закулисную» роль тормозной доминанты. При этом исторически и в онтогенезе мозг «перестраивается вместе, в единстве с генезисом второй сигнальной системы» [36: 429]. В результате взрослеющая психика «окостеневает» в этой асимметричности. Речь, однако, идет не только о функциональной асимметрии мозга. Всеобщей основой психики и физиологии человека является бидоминантность самой его личности (духа и тела).

В качестве вывода еще раз повторим слова Поршнева: «Психическое развитие ребенка, утверждал наш мудрый психолог Л. С. Выготский, совершается не от индивидуального к социальному, а от социального к индивидуальному: он социален уже с первых слов. Это приложимо и к психическому преобразованию людей в истории: они социальны уже с ее начала, индивид же с его мышлением – продукт интериоризации, обособления от первичной общности в упорной войне с суггестией» [36: 484].

Контрсуггестия

Прежде всего, это – *эмотивная реакция*, ограждающая человека от принудительной силы слова со стороны других: недоверие, страх, опасение, насмешка; брезгливость, отвращение, гнев, ярость. «Эти архаичные способы защиты слабо мотивированы, держатся на полубессознательных традициях и предрассудках. Они ищут скорее не оснований, а поводов» [35: 21]. Такую самозащиту от суггестии Комиссаров называет «психологическим барьером на уровне подсознания». На уровне же сознания психическая независимость от суггестии (зависимости) проявляет себя как непокорность, неповиновение, непослушание, возражение, опровержение.

Вот что пишет о контрсуггестии Поршневу [35]: «Недоверие есть первый феномен из серии этих охранительных психических антидействий [...] Первый рубеж против суггестии, может быть сведен к опасению, что нечто внушается человеком чуждым, чужим, и поэтому его влияния следует проверить, сопоставить с другим [...].

[...] Восточная вежливость еще в средние века гласила: “слышать – значит повиноваться”. Этим [...] подразумевалось, что ты слышишь слова кого-то вышестоящего, облеченного авторитетом. Чем далее в историческом становлении человека, тем он все более и более отвергает эту прямую зависимость: нет, говорит хоть чуть разившийся человек, слышать – это еще не значит повиноваться. На уровне современной психики даваемое нам поручение нередко вызывает в первое мгновение слабую эмоциональную реакцию раздражения (ибо вторгается в нашу программу) и лишь потом осмысливается как подлежащее исполнению или отклонению по таким-то резонам. С ходом истории, чем дальше, тем больше, человеку недостаточно и различать, чьему слову безоговорочно повиноваться, а чьему нет. Он хочет, чтобы слова ему были понятны не только в своей внушающей части, но и в мотивационной, т. е. он спрашивает, почему и зачем, и только при выполнении этого условия включает обратно отключенный на время рубильник суггестии. Он проверяет логичность внушаемого ему представления, мнения, действия, [...] и только не сумев найти нарушения правил, включает этот рубильник.

[...] Возникает фильтр недоверия [...] Когда какой-нибудь старейшина рода, вождь племени, глава государства или руководитель церкви получал авторитет, таким способом люди могли отказать в неограниченном доверии множеству остальных. Формирование этих лидеров, или авторитетов – капитальный показатель формирования контрсуггестии. Пусть слово одного [...] обладает неодолимой силой [...] отныне мы не признаем такой силы за словами кого бы то ни было другого.

[...] Психический акт выбора очень характерен для контрсуггестии: он является не вообще отказом от реакции, но все же и неподчинением стимулу, отвержением принудительности последнего. Из психологических вариантов контрсуггестии, может быть, нагляднее всего – явление самовнушения. Психологи употребляют выражение “самоприказ”, “самоинструкция”, “самокоманда”.

[...] Заменяя внушение самовнушением, человек все равно подчиняет ему свои действия “как закону” [...] Целеполагание и воля (рождающиеся из отклонения чужой цели и другой воли) есть барьер против внушения, хотя, с другой стороны, здесь всего лишь его трансформированная форма самовнушения или сознательный выбор между внушениями [...] Целеполагание может носить или внешний характер (команда), или интериоризованный (намерение, замысел)» [35].

Способ снятия психической защиты от суггестии Комиссаров называет «снятием психологического барьера на уровне сознания». Однако он вновь и вновь редуцирует явление психики к уровню простой физиологии, заверяя, что единственной причиной психической независимости подростка является природный процесс его полового созревания: «Почему же включение функции анализа происходит в 12, а не в 18 и даже – в 21? Да потому, что не мы с вами включаем эту функцию. Включает ее Природа-Матушка» [23]. Марку Комиссарову даже в голову не приходит искать причину неповиновения подростка в сфере *социальной*, а вовсе не природной – как самозащиту от автоматического подчинения приказу *другого* лица.

Под влиянием социума у 10-летнего ребенка формируется доминантность левого полушария [12: 438]. А к 12–14 годам его *социальной* жизни в обществе людей сила суггестии окончательно уступает напору самовнушения (самоприказу, самокоманде, самоинструкции). Происходит интериоризация, т. е. молодой человек берет на себя управление собственными действиями, подчиняя *своей* воле первосигнальные побуждения (страх, агрессию, вожделение, боль, голод и т. п.). Древнейший культ инициации как раз и был таким тестом на его самостоятельность.

Убеждение, научное мышление – синтез контрсуггестии и суггестии

Ссылаясь на своих научных предшественников, Поршневу пишет об этом возрастном рубеже психики: «Эксперименты проводились крупнейшим советским психологом Л. С. Выготским (совместно с Л. С. Сахаровым) и в его широком теоретическом осмыслении приобрели значение своего рода демонстрации культурно-исторической теории мышления [...] В школьном возрасте, до 11 лет включительно [...] момент суггестии все еще превалирует над моментом контрсуггестии или, по крайней мере, они равновелики [...] У подростков 12–14 лет появляется понятийное мышление [...] эта ступень соответствует [...] категории “обыденное сознание”». Вступает в силу психическая защита от безусловной суггестии, когда юноша отказывается слепо повиноваться, справедливо требуя для этого убедительных оснований. Теперь он «охотно подчиняется науке, предпочитает подчиняться только ей, ибо она – защита от всех остальных подчинений» [35]. Опыт такого восхождения к научной ступени духа исследован в «Феноменологии духа» Гегеля.

В качестве заключения можно привести следующие слова Поршнева: «Потекут столетия и тысячелетия развития человеческого ума. Одним из сопутствующих проявлений этого процесса станет постепенное уменьшение роли “формул” в мышлении и поведении индивидов. Чем глубже в прошлое, тем более мы видим человека запеленутым в речевые и образные штампы и трафареты, в формулы оценок и поведения, в формулы житейской мудрости, практического

рассудка, верований». Он еще избегает самостоятельных решений, когда необходимо думать самому индивидууму. Ведь «почти на всякий случай жизни, почти на всякий вопрос есть изречение, пословица, цитата, стих, пропись, обобщенный художественный образ. Каждая такая формула применима ко многим конкретным значениям. Надо только уметь вспомнить подходящую. Но ведь тем самым можно и выбирать среди них! Можно сталкивать одну формулу с другой и тем расшатывать их непререкаемость. Так развивается пользование “своим умом”» [36: 484].

К этому же призываем и мы: «Пользуйтесь своим умом!». Не поддавайтесь суггестивному влиянию тех, кто заинтересован держать вас в неведении. Речь идет о врожденном рефлексе детей. Именно он выполняет всю главную работу, а вовсе не В. М. Бронников, Н. Н. Денисов, М. Комиссаров и другие. В свою очередь, каждый из нас *может* делать то же самое, что и они, не имеющие, кстати, ни медицинского, ни психологического образования.

От нас же требуется только одно: сохранять абсолютную уверенность, что ребенок уже заранее умеет это делать. А он и в самом деле инстинктивно умеет это делать, точно так же, как от рождения он умеет, например, плавать. Вы лишь должны напомнить ему об этом его рефлексорном навыке: «Ты это можешь!». Поэтому неправильно говорить, что ребенок этому «учится»: он умеет это от рождения и должен только «вспомнить». И если вы любите детей – у вас непременно получится! Ваша добрая настойчивость и непоколебимая уверенность в успехе имитативно, на уровне подсознания станет завораживать, индуцировать психику ребенка, побуждая ее к инверсии на альтернативный режим. В идеале этим должны заниматься сами родители.

Однако до тех пор, пока эта врожденная (родовая для человека) способность будет скрыта за семью печатями, пока она будет пребывать «в себе», считаться эзотерической тайной или «даром Божиим», недоступным для простых смертных, – всегда найдутся ловкие «жрецы», готовые превратить эту «тайну» в выгодный для себя товар [50].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова Г. С.* Практическая психология. М.: Академический Проект, 2001.
2. *Бехтерева Н. П.* Мозг человека: сверхвозможности и запреты // Наука и жизнь. 2001. № 7 // URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/6406>
3. *Вернадский В. И.* Автотрофность человечества // Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. Вып. XVI. М.: Наука, 1980. С. 228–245.
4. *Вите О. Т.* Палеопсихология Поршнева и психоанализ: тревога восьмимесячного и некоторые смежные проблемы психического развития // Журнал практической психологии и психоанализа. 2009 (июнь). № 2 // URL: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2834>
5. *Вите О. Т.* Б. Ф. Поршнев: опыт создания синтетической науки об общественном человеке и человеческом обществе // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. М., 1998. № 3 (9). http://knowledge.allbest.ru/history/2c0b65635b2ac68a4c43a89521306c27_0.html
6. *Вите О. Т.* Борис Федорович Поршнев и его критика человеческой истории // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905—1972). М.: КомКнига, 2005 // URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Vite-2005.html>
7. *Волков Е. Н.* Вначале было не слово – началом была суггестия. Забытые прозрения Б. Ф. Поршнева и некоторые межконцептуальные психологические и социологические параллели // URL: <http://evolkov.net/PorshnevBF/Volkov.E.In.the.beginning.there.was.suggestion.html>
8. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3-х тт. М., 1977.
9. *Гордон А. В.* Б. Ф. Поршнев: впечатления и размышления // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905—1972). М.: КомКнига, 2005 // URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Gordon-2005.html>
10. *Годик Э. Э.* Загадка экстрасенсов: что увидели физики. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010.

11. *Гроф С.* Современный глобальный кризис есть, в сущности, кризис духовный. Интервью // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 4. С. 68–81 // URL: <http://psyjournals.ru/mpj/2007/n4/Grof.shtml>
12. *Данилова Н. Н., Крылова А. Л.* Физиология высшей нервной деятельности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
13. *Денисов Н. Н.* Николай Николаевич Денисов отвечает на ваши вопросы // URL: <http://denisov-nn.narod.ru/faq.htm>
14. *Денисов Н. Н.* Как этому учат? // URL: http://goldray.narod.ru/how_r.htm
15. *Джасмухин.* Праническое питание / Пер. с англ. И. В. Зайканова. СПб.: Будущее Земли, 2003.
16. *Дорофеев Д. Ю.* Мистическая антропология личности // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. 2004. № 4. С. 16–31 // URL: <http://anthropology.rchgi.spb.ru/dok14.htm>
17. *Золотов Б. Е.* Память Будущего // URL: <http://ariom.ru/litera.html>
18. *Золотов Б. Е.* Свобода // URL: <http://ariom.ru/litera/zolotov/Zolotov-34.htm>
19. *Золотов Б. Е.* Сходить с ума // URL: <http://ariom.ru/litera/zolotov/Zolotov-31.htm>
20. *Золотов Б. Е.* Эксперт-операторное взаимодействие // URL: <http://www.galactic.org.ua/Interakt/In-Lekxii-Zolot.htm>
21. *Комиссаров М.* Ты – провидец XXI века. И время твое настало (Глядя на мир широко закрытыми глазами). М.: Палитра-дизайн, 2009.
22. *Комиссаров М.* Хотите стать волшебником? YOU ARE WELCOME! // Русская реклама. 7–13 июля 2000. № 27 (377) // URL: <http://denisov-nn.narod.ru/stat3.htm>
23. *Комиссаров М.* Инфовидение – не миф, а реальность // Форум Альтернативное видение. Пост 10.05.2011 // URL: <http://hypnoclub.2xn.ru/viewtopic.php?f=48&t=319&start=200>
24. *Кондратьева Т. Н. Б. Ф. Поршнев:* Студенческие годы // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 1. С. 127–130.
25. *Косилова Е. В.* От суггестии к сознанию // URL: http://vfc.org.ru/rus/personalsites/kosilova/scientia/Werke/reflexio_logic.php
26. *Мамардашвили М. К.* Лекции по античной философии. М., 1997.
27. *Манеев А. К.* Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Человек: философские аспекты сознания и деятельности. Минск, 1989 // URL: <http://www.nffedorov.ru/mbnff/biblio/knigi/antrukos/man1.html>
28. *Манеев А. К.* К вопросу о возможности сверхсоциального // Доклады конференции ЭНИН-91 (Научно-исследовательский энергетический институт). Краснодар, 1991.
29. *Мюллер Д. Т.* Христианская догматика / Пер. К. Комарова. Фонд «Лютеранское наследие», 1998 // URL: <http://svitlo.by.ru/bibloteka/dogmatika/dogmatika.html>
30. *Найденев И.* Даром со мною мучился самый искусный маг // Сайт Н. Н. Денисова «Золотой луч» // URL: <http://denisov-goldray.ru/page.php-id=119.htm>
31. *Николаев Д.* Очень прошу помочь разобраться кто такой Николай Денисов // Форум Школы, курсы, мессии. Пост 28.05.2011 // URL: <http://astral.com.ru/viewtopic.php?t=4184&start=35>
32. *Папуш М. П.* Что делать с Эриком Берном? // Берн Э. Секс в человеческой любви. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 341–344.
33. *Писаренко Д.* 12 лет без еды. Неужели это возможно? // Аргументы и факты, выпуск 26 (1287) от 29 июня 2005 г. URL: http://gazeta.aif.ru/online/aif/1287/39_01?print
34. *Поляков В. Б.* Практикум экстрасенса (в 2-х ч.). Л.: СМАРТ, 1991 // URL: <http://flyfolder.ru/8752678> (1-я часть), <http://flyfolder.ru/9000641> (2-я часть).
35. *Поршнев Б. Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. М., 1971. С. 7–35 // URL: <http://rudn.monplezir.ru/porshnev.htm>

36. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. URL: <http://psylib.org.ua/books/porsh01>
37. *Поршнева Е. Б.* Реальность воображения (записки об отце) // *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб, 2007.
38. *Пытьев Ю. П.* Феномен «видения» с закрытыми глазами // Биомедицинская радиоэлектроника. 2000. № 5. С. 43–49.
39. *Пытьев Ю. П., Анциферова Н. А.* О голографической модели экстрасенсорного восприятия. М., 1993.
40. *Пытьев Ю. П., Анциферова Н. А., Анциферов А. Л.* Электромагнитные явления при экстрасенсорном восприятии. М., 1992.
41. *Семенова О. А.* Формирование произвольной регуляции деятельности и ее мозговых механизмов в онтогенезе // Физиология человека. 2007. Т. 33. № 3. С. 115–127.
42. *Симаков Ю. Г.* Информационные матрицы и морфогенез // Материалы 10-й Юбилейной международной уфологической конференции «Уфология и биоэнергоинформатика на рубеже веков». 26 и 27 октября 2002 г., Москва // URL: http://tonnel-new.narod.ru/new_01_Simakov.htm
43. *Симаков Ю. Г.* Преформированная космическая эволюция // Земля и Вселенная. 2002. № 4. С. 81–89.
44. *Симонов П. В.* О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознания // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Вып. IV / Под общей ред. А. С. Прингишвили, А. С. Шерозия, Ф. В. Бассина. Тбилиси. 1985 // URL: http://www.psylib.ukrweb.net/books/_simon01.htm
45. *Симонов П. В.* Мотивированный мозг. М., 1987.
46. *Смирных С. В.* Вера как достоверность истины // Теоретический журнал Credo New. 2007. № 4. С. 42–59 // URL: http://www.smyrnyh.com/?page_id=7
47. *Смирных С. В.* Культ как спекулятивный момент религии // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия: Сб. материалов Второй международной научной конференции / Под ред. С. В. Пахомова. СПб.: РХГА, 2009. С. 46–56.
48. *Смирных С. В.* Опыт пондеромоторного письма // Форум Философские аспекты метода. Пост 22.11.2008 // URL: <http://www.broncenter.ru/forum/viewtopic.php?t=157>
49. *Смирных С. В.* Самосознание как принцип разума и свободы. // Теоретический журнал Credo New, №4, 2009. С. 41–54 // URL: http://www.smyrnyh.com/?page_id=28
50. *Смирных С. В.* Феномен интуиции в научном познании // Теоретический журнал Credo New. 2011. № 1. С. 66–82 // URL: http://www.smyrnyh.com/?page_id=368
51. *Ухтомский А. А.* Парабиоз и доминанта // *Ухтомский А. А.* Собрание сочинений в 6 т. Л.: ЛГУ, 1950–1962. Т. 1.
52. *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008.
53. Хронология событий в России в области научной парапсихологии // URL: <http://aeninform.org/material/khronologiya-sobytii-v-rossii-v-oblasti-nauchnoi-parapsikhologii>
54. *Чеканцева З. А.* Борис Федорович Поршнев: штрихи к портрету большого ученого // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905—1972). М.: КомКнига, 2005. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Chekantseva-2005.html>
55. *Чередниченко Ю. Н.* Новая модель автотрофной эфирознергетики живых организмов в свете представлений о преобразовании энергии в структуре неоднородного физического вакуума // Россия. Народная медицина / Сб. докл. Самара: Путь к Солнцу, 2003. С. 18–31.
56. *Чередниченко Ю. Н.* Реинкарнационный онтогенез человеческой личности и виды психосоматического наследования // URL: <http://www.sinor.ru/~che/reincarnation.htm>
57. *Шниц Р.* «Нет» и «да». О развитии человеческой коммуникации // *Шниц Р.* Психоанализ раннего детского возраста. М., 2001. С. 5–110.
58. *Юшко В.* Парадоксальное интервью с Борисом Золотовым об альтернативном зрении, видении, ясновидении. 11.04.2011 // URL: <http://altzrenie.yarrowsoft.com/zolotov/paraview.htm>

59. Яковлева С. В. Условия формирования простейших видов произвольного действия у детей дошкольного возраста // Проблемы высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка / Под ред. А. Р. Лурия. Т. 2. М., 1958.

60. Komissarov M. Methodology for developing a new approach for visual information cognition // URL: <http://www.freshpatents.com/Methodology-for-developing-a-new-approach-for-visual-information-cognition-dt20080501ptan20080103409.php>

61. Kovalenko K. Bronnikov, Denisov, Zolotov. The Making of the Russian Superbeing // Spirit of Ma'at. 2001. Vol 2. No 1 // URL: <http://www.spiritofmaat.com/archive/aug2/supers.htm>

62. Terry H. Jones. Patron Saints Index: inedia // URL: <http://www.catholic-forum.com/saints/define87.htm>